

М. С. Рогачевская
Минск, МГЛУ

НАУЧНЫЙ vs ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ С. ФОЛКСА «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СЛЕДЫ»

В статье рассматривается взаимопроникновение научного и художественного дискурсов на примере романа С. Фолкса «Человеческие следы». Изучены способы интердискурсивных включений, показаны художественные стратегии, реализуемые на четырех нарративных пластах произведения. В результате исследования делается заключение об оригинальности авторского подхода к постановке проблем сознания через диалогическую связь двух дискурсов.

Художественный текст является единицей художественного дискурса в целом и национального дискурса в частности. Коммуникативная и аккумулятивная функции художественной литературы таким образом объединяются. Любое высказывание в художественном тексте всегда зависит от контекста целого произведения. Кроме того, любое высказывание может внутренне перестраиваться не только по отношению к предмету, но и к читающему, и говорящему об этом произведении. Иными словами, и традиция, и новая реальность, и различные экстралингвистические контексты перестраивают смысловую структуру художественного текста. Поэтому не значение того или иного высказывания, как в лингвистике, а смысл целой единицы и ее влияние на духовное пространство реципиента являются целью художественного дискурса. Особенность дискурсивной стороны художественной литературы как системы – ее открытость, неустойчивость, нелинейность, динамичность [1, с. 234]: здесь

сосуществуют в своей диалогической взаимоотношенности самые разные виды тематических дискурсов, варьируются стилистические регистры и происходит нерегламентируемая генерация новых лексико-семантических значений. Изучение художественной литературы как дискурса, отличного от научного, бытового, общественно-политического и др., позволяет изучить способы «духовного общения людей» [2, с. 5].

Особой активностью такой процесс отличается в современной литературе, которая является не только хранилищем культурной памяти, но и проводником в различные области человеческого знания, зачастую актуализируя архаичное и историческое, современную науку и ее прецедентные явления. Писатели современной Великобритании расширяют потенциал художественного дискурса. В частности, речь пойдет о том, как научное знание может стать органичным компонентом литературного произведения, вписаться в систему сюжета и персонажей, образов и символических структур. Г.-Г. Гадамер придавал большое значение «стихии диалога», в которой разворачивается речь и которую с полным правом можно перенести и на диалог научного и литературного дискурсов. Язык науки, пишет Г.-Г. Гадамер, может становиться «достижением массового сознания» [3, с. 51] посредством нескольких коммуникативных систем, одной из которых является художественная литература.

Себастьян Фолкс (р. 1953) – писатель разносторонний и узнаваемый. В его арсенале – романы о Первой мировой войне, современный социальный роман в диккенсовском стиле, романы с детективными и историческими сюжетами. «Человеческие следы» (*Human Traces*, 2005), по словам самого автора, «был сизифовым трудом. Проведя пять лет в библиотеках за чтением литературы о душевных болезнях, психиатрии и психоанализе (в итоге чего у меня в офисе по стенам всюду были развешаны графики и диаграммы и подобные вещи), а закончив (роман), я чувствовал себя, словно в трауре» [4]. Пять лет, затраченные на изучение сознания, психиатрии и психоанализа, привели автора к созданию внушительного произведения, целью которого явилось страстное желание писателя приблизиться к пониманию того, как работает наше сознание, где граница между здоровой психикой и клиническим состоянием, и можно ли излечить психическое заболевание.

Разветвленный, со множеством отступлений и интердискурсивных включений сюжет основан на описании дела всей жизни двух друзей – француза Жака Ребьера и англичанина Томаса Мидуинтера, которые основывают психиатрическую клинику в Австрии, высоко в горах, и, занимаясь непрерывно изучением мозга и сознания, пытаются излечить душевно больных. При этом автор постоянно отправляет своих героев в различные путешествия, в том числе и на другие континенты, таким образом топографически расширяя и глобализируя масштабы ментальных нарушений.

«Человеческие следы» – это вдобавок роман о любви и отношениях; это даже своеобразный «рыцарский роман», но только о науке. Год рождения обоих героев символичен: 1860 – ровно год после опубликования Ч. Дарвином «Происхождения видов». Персонажи встречаются благодаря роднящей их страсти к научному исследованию сознания и мозга. У каждого для этого свои

мотивы: Жак мечтает излечить своего старшего брата Оливьера от «сумасшествия». Сознание и работа мозга в последней трети XIX века были еще *Terra incognita*, поэтому и диагноз этого заболевания/состояния в дальнейшем так и обозначен: «болезнь Оливьера». Томаса же с самого момента знакомства молодых людей влечет более философская и абстрактная цель: выяснить, что же именно делает человека человеком? А также – когда мозг примата перестал быть таковым и стал человеческим мозгом?

Дальнейшее развитие сюжета проходит по нескольким траекториям. Первая – это личные жизни Жака и Томаса (Жак женится на сестре Томаса Соне, которая также становится его верным и преданным другом и ассистентом; Томас женится на пациентке Жака Катарине, которую первый излечивает, перехватив у второго пальму первенства в понимании отдельных расстройств психики).

Вторая траектория – научные изыскания персонажей (оба становятся врачами – *alienists/mad doctors*; Томас более глубоко погружается в нейробиологию (хотя эта наука и находится на тот момент в своем зачаточном состоянии), препарирует мозг при аутопсии, а Жак увлечен методикой Ж. Шарко, а вслед за ним – разработками Венской психоаналитической школы, что и становится причиной профессиональных споров и разногласий героев относительно природы, причин и способов лечения психических заболеваний. Жак олицетворяет психоанализ, Томас – открытия психиатрии, такие как болезнь Альцгеймера, деменция, шизофрения. Жак предсказывает «фотографии» мозга, а Томас – идею о том, что сознание – это нечто, данное человеку извне.

Третья траектория – мотив путешествия в романе. Так, автор заставляет своих героев проехать по всему земному шару: Англии и Франции, Италии и Австрии, Северной Америке и Африке. И с каждого континента стекаются знания и опыт в совместно основанный психиатрический санаторий – такой своеобразный «мозговой центр».

Четвертая траектория – социально-историческая: личные истории становятся частью европейской истории конца XIX – начала XX века, завершаясь с Первой мировой войной, как бы воссоединяя два параллельных пессимистических вывода: душевнобольные неизлечимы, а помешательство политиков, приведшее к войне, – такая же болезнь человечества, как шизофрения отдельно взятого больного.

Объединяющей все траектории романного действия идеей является элегический вывод о том, что человек перешел из стадии примата в стадию *homo sapiens* в связи с клеточной эволюцией мозга, когда появилась способность распознавать речь, слышать голос, развилась письменность, но всему этому неизменно сопутствовали нарушения в мозговой деятельности: если есть сознание, то неизбежно имеются и его аномалии (среди животных нет умалишенных и страдающих деменцией или шизофренией).

Писатель С. Фолкс нашел оригинальные способы интердискурсивности. Очевидно, что внедряемый в вымышленную художественную канву дискурс – это дискурс психиатрии и психоанализа. П. Чайлдс пишет: «Такие проблемы, как сознание, эволюционная психология, душевные болезни и расстройства

изучаются [художественной литературой] во всех подробностях» [5, p. 151]. Можно с уверенностью заявлять, что С. Фолкс пытается не жертвовать внутренней структурой художественного дискурса, сохраняя его в следующих элементах: повествование о вымышленных персонажах, вступающих в отношения, заданные конвенциональными требованиями романного сюжета – завязкой, развитием действия, подчиненному одному и нескольким конфликтам, кульминацией и развязкой. При этом создание характеров также происходит согласно правилам художественного дискурса: характер становится порождением эклектики портрета, реализованного через описание внешности, речевых и поведенческих действий, психологического описания и анализа.

С другой стороны, однако, обеспеченная данными элементами стабильность/устойчивость и художественная внутридискурсивная целостность подрываются тенденцией к «расщеплению» единого дискурсивного потока при взаимодействии с научным типом дискурса. Механизмом такой «расщепляющей» интердискурсивности будем считать научный модус всего повествования, который реализуется как на сюжетном уровне (прослеживание эволюции психиатрии через сообщения о новых продвижениях, идеях, методах лечения; о приобретении героями знаний в этой области), так и в интертекстуальных аллюзиях (через вставные псевдодокументы эпохи – научные статьи в журналах, тексты лекций, главы из научных трудов, изучаемые героями романа, многочисленные отсылки к трудам и теориям таких ученых, как Ч. Дарвин, Ж. Шарко и др.).

Одним из способов актуализации научного модуса можно также считать гибридизацию научного дискурса в совокупности с нарративной формой монологической речи, имитирующей научную лекцию. Такие лекции выступают в романе в обрамляющей форме. Несколько из них принадлежат самому Ж. Шарко, которого жадно слушает его фикциональный поклонник Жак Ребьер. Обрамление же происходит за счет первой лекции самого Жака и его научной статьи о связи психических, соматических и подсознательных механизмов, ведущих к различного рода травмам, неврозам, физическим недугам. Вторая – это лекция Томаса на тему эволюции человеческого мозга. Интрузия медицинской психиатрической терминологии (*ataxic, locomotor ataxia, Huntington's disease, sodium urate, hemiplegia, hysterical paralyses, dynamic amnesia, pathogenic* и мн. др), тем не менее, уравнивается чередованием с разговорной и нейтральной лексикой. При этом, Томас осознанно подбирает слова, чтобы сказанное было максимально понято его слушателями.

Резко контрастирует с научным дискурсом та часть произведения, где автор передает особую атмосферу психиатрических клиник. Так, например, слова *lunatic, madman, dementia, delusion* преподносят совершенно иную картину: *Even with the most rigorous schedule and the briefest of consultations, it was clear to Thomas that he would not be able to follow the course of six hundred illnesses, let alone devote to them the long-term observation they required* [6, p. 111]. Со временем число пациентов таких клиник непрестанно увеличивается.

В отдельных случаях научный дискурс реализуется в миметическом ключе: созданные вставные тексты имеют свое внутренне дискурсивное пространство, построены по правилам именно научного дискурса, апеллируют к терминологической лексике. В романе также присутствует миграция научного дискурса

прошлого столетия в обыденный то, что в психиатрии было диагнозом, сейчас стало неполиткорректным жаргоном: *idiocy, cretinism, mania and melancholia*. Особое место занимает научное обоснование истерии: *...a standard neurological illness. Lesion, nervous malfunction, motor disorder with hereditary predisposition. Yet we note also the persistence of some ovarian element* [6, p. 210]. Известно, что уже в 1980 г. диагноз «истерия» был исключен из списка заболеваний по причине несостоятельности научных описаний.

Интердискурсивность в романе реализуется также с помощью топонимов. В частности, часть событий романа происходит в госпитале Сальпетриер в Париже, который изначально с XVII в. служил приютом для бездомных, а затем с XVIII в. – больницей для душевнобольных. «В этой больнице происходят некоторые эпизоды действия романа Аббата Прево “Манон Леско”» [7]. Именно здесь работал и знаменитый невропатолог Шарко (1825-1893), «к которому приезжал учиться не менее впоследствии знаменитый Зигмунд Фрейд» [7].

Проблемным аспектом романа обозреватели Гардиан считают научную, «изъяснительную аргументацию» [8]. Постепенно события уступают место диалогам о сущности человеческого мозга, функции познания, предрасположенности психики к ментальным нарушениям. И методика Шарко, и психоанализ Фрейда терпят в романе свой крах, завершаясь парадоксальным, но пугающе правдоподобным императивом: чем выше уровень сознания разумных существ, тем выше вероятность душевных болезней. Сумасшествие – это как раз то, что и делает нас *homo sapiens*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зинченко, В. Г.* Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход : учеб. пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М. : Флинта ; Наука, 2011. – 280 с.
2. *Тюпа, В. И.* К новой парадигме литературоведческого знания / В. И. Тюпа // Эстетический дискурс : семио-эстетические исследования в области литературы : межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск : Изд. НГПИ, 1991. – С. 4–16.
3. *Гадамер, Г.-Г.* Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер ; пер. Ал. В. Михайлова. – М. : Искусство, 1991. – 368 с.
4. *Nagar, S.* *Human Traces* by Sebastian Faulks / S. Nagar // Of Books & Bookworms [Electronic resource]. – Mode of access : <https://ofbnbmagazine.com/2018/08/29/human-traces-by-sebastian-faulks/>. – Date of access : 01.12.2019.
5. *Childs, P.* Ian McEwan // *The Fiction of Ian McEwan* / ed. P. Childs. – Basingstoke : Macmillan, 2006. – P. 151–160.
6. *Faulks, S.* *Human Traces* / S. Faulks. – L. : Vintage, 2006. – 793 p.
7. *Сарников, Н.* Больнице Сальпетриер 400 лет / Н. Сарников // RFI [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rfi.fr/ru/frantsiya/20121202-bolnitse-salpetrier-400-let>. – Дата доступа : 01.12.2019.
8. *Stevenson, J.* This way madness lies / J. Stevenson // *The Guardian* [Electronic Resource]. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/books/2005/sep/04/fiction.sebastianfaulks>. – Date of access : 01.12.2019.

The article demonstrates that scientific discourse in contemporary fiction can be interwoven with fiction's artistic features. Interdiscursivity is realized through terminology, juxtaposition of the two lexical layers, toponymics and the relevant subject matter. The novel bears both an aesthetic-philosophical and a purely scientific properties.